

Симпозиум по Вячеславу Иванову в Будапеште

Столица Венгрии стала шестым — после Нью-Хейвена, Рима, Павии, Гейдельберга и Женевы — городом, где была проведена международная конференция, посвященная русскому поэту. Организатором созываемой каждые три года конференции на этот раз стали профессор Будапештского университета Лена Силард и, как и на прежних научных встречах, Римская ассоциация по изучению творчества Вяч. Иванова «Конвивиум».

Ивановские конференции и изданные на разных языках их материалы (четыре сборника) наряду с четырехтомным собранием сочинений (1-й том вышел в Брюсселе в 1971 году) изменили сложившиеся академические и иные схемы художественной культуры XX века, и теперь кажется почти неоспоримым, что созданные Вяч. Ивановым произведения, теории, само культурное пространство оказались центральными, творчески порождающими в том культурном движении, которое называют Серебряным веком. Тому свидетельством, в частности, очень значительный, «геометрический» рост опубликованных в последние два десятилетия исследований, посвященных разнообразному, яркому, многозначному, в прошлом нередко вызывавшему споры, недоумения и даже протесты наследию поэта.

Нынешняя конференция проходила на венгерской земле, и происшедшие на европейской карте за последние годы изменения не могли не коснуться участников научных заседаний. В качестве принимающей стороны выступал факультет славистики Будапештского университета, «Коллегиум Будапешт», Центр русской культуры при посольстве РФ, орден францисканцев в Венгрии. Заседание проходило в католическом университете — он только что отстроен на территории бывшей советской военной базы. Не всегда заметными, но эффективнейшими помощниками и внимательными слушателями были студенты и выпускники департамента славистики, чье отношение к культурному и духовному наследию России теперь, после всех происшедших перемен, стало иным, может быть, лучшим и более глубоким.

На длившиеся четыре дня конференции учеными из Австрии, Англии, Венгрии, Германии, Грузии, Италии, Польши, России, США, Эстонии ставились новые темы, связанные в первую очередь с религиозными и мифопоэтическими аспектами творчества Иванова.

Вяч. Иванов и орфическая образность (Л. Силард), Вяч. Иванов и имяславие (М. К. Гидини), Легенда о Серафиме Саровском в творчестве Вяч. Иванова (С. Доценко), богословские осмысления повести Вяч. Иванова о Светомире (Д. Штаудахер), религиозная поэзия Вяч. Иванова (В. Лепахин).

Другие доклады ограничивались рамками строго филологической работы, и такого рода исследование выявило скрытые глубинные смыслы поэзии Вяч. Иванова (С. Аверинцев).

Большой интерес вызвало сообщение о Вяч. Иванове и футуризме (А. Парнис); прозвучали выступления о Вяч. Иванове и Анненском (А. Хан), Вяч. Иванове и Фете (Д. Магомедова), Вяч. Иванове и Хлебникове (А. Шишкин), о венках сонетов Вяч. Иванова и М. Волошина (К. Герасимов).

Темой докладов была также переводческая деятельность Вяч. Иванова (Майкл Вахтель, Принстон) и, конечно же, его философские и историсофские искания (Роберт Бёрд, Нью-Хейвен; Джеймс Уэст, Сизтл).

Рассказывают участники конференции

Сергей Аверинцев:

— Сергей Сергеевич, какой теме посвящен ваш доклад?

— Моей целью было поставить вопрос о присутствии в поэтической практике Вяч. Иванова древней, восходящей к античности и важной еще для русского «Золотого века» (для поэзии Пушкина и Баратынского) поэтики «гнома», то есть поэтической сентенции, отмеченной краткостью, переживаемой читателем как специальное качество слова: как его сжатость, плотность. Я пытался выделить те специальные средства, которыми все это достигается — не просто наличие краткости, но, как немцы говорят, «тематизация», обыгрывание краткости как краткости. Здесь можно указать, например, на роль прямой речи внутри «гномически», элиграмматически построенного стиха, прямой речи, которая особенно сжата, а также мотивов ожидаемого орacularского ответа на некий вопрос (напоминаю, что исторически слово «оракул» не всегда имело только языческие конно-

тации). В конце я поставил вопрос, выходящий за пределы филологии — о культурной ценности «гномического» подхода к слову.

— Каковы ваши впечатления от этой конференции и от последних работ, посвященных Вяч. Иванову?

— Уровень конгресса и его атмосфера представляются мне близкими к образцовому. Правда, desideratum, ощущаемое и здесь — как почти на всех самых удачных конгрессах, — недостаток времени на прения: все-таки доклад — это доклад, друг друга мы можем читать, но совместного разговора ничто заменить не может.

Не в первый раз, но на этом конгрессе в особенности, я нахожусь под сильным впечатлением от тех успехов — для моего воображения, в сущности, неожиданных, — которые сделало изучение раннего, так сказать, «доисторического» периода жизни Вяч. Иванова.

Переходя к более амбивалентной части моей реакции на ивановедение последнего времени, я сильно боюсь быть неправильно понятым. К архивным исследованиям биографии я всегда испытываю благодарное уважение, особенно сильное именно потому, что сам я этим не занимаюсь. Здесь я получаю подарок за счет усилий и трудов других. Но, признавая ценность биографических исследований, я всегда страшусь некоторого преступления меры в этом направлении исследований — в противоположность другому направлению, то есть когда мы исследуем создания и мысли поэтов и мыслителей как таковых. Может быть, на меня действует то, что я по образованию все-таки специалист по античности и как таковой привык, что биографии у античных авторов, как известно, почти что отсутствуют, перед нами их творения, и мы занимаемся только ими.

Но дело не только в этом. Я не хотел бы быть заподозренным ни в отсутствии биографического интереса (биографические сведения, несомненно, помогают истолкованию мысли как мысли и произведений как произведений), ни в эксцессах лицемерного, ханжеского или сентиментального пиетета. Меньше всего я склонен думать, что существуют темы, в принципе запретные. Но для меня исследование биографии прежде всего сохраняет значение субординированное. Поэт важен тем, что он создал как поэт; в мыслящем человеке самое важное — его мысль. Мысль — перед нами, и если мы способны ее понимать, временная дистанция ничего не значит. Стихи перед нами, слова перед нами, словесная материя перед нами, мы можем с ней работать вплотную.

Биографическое исследование, сделав определенное, неизбежно ограниченное количество безусловно неоспоримых констатаций, затем переходит в область принципиально непознаваемого. Так обстоит дело не только с людьми Серебряного века, с людьми отдаленных десятилетий; все-таки мы не бывали на «башне», мы не жили с ними одной жизнью, и мы их жизни, в отличие от их мысли, до конца понять не сможем — и не должны. Это не входит ни в обязанности, ни в возможности нашего ума. Даже нашей собственной жизни. Мысли нашего современника, нашего собеседника, близкого нам человека — гораздо более доступный познанию предмет, чем точное воссоздание некоего эпизода, участниками которого, быть может, были мы сами. И мы уже не можем ответственно сказать, с точным сохранением всех нюансов, что именно произошло с нашими друзьями, с нашими близкими, с нами самими — год, или месяц, или неделю назад.

Познаваемо на уровне «эпистеме» — т.е. научно достоверного познания, — как сказал еще Аристотель, общее. Частное не может быть предметом «эпистеме», частное может быть предметом только «докса» — «мнения».

Поэтому мне представляется, что было бы полезнее (не по соображениям сентиментально понимаемого пиетета, но по мотивам теоретико-познавательным) все же осторожнее говорить на биографические темы и, напротив, смелее, острее, с большим вкусом к антиномиям, к противоположению мыслительных мотивов — о мыслях и о стихах. В конце концов судить людей — по крайней мере те из нас, которые принимают евангельские запреты, — мы не призваны; мы верим, что судит людей только Бог; судить творения людей — мысли и слова — мы имеем право, и здесь мы должны быть смелее и дерзновеннее.

Памела Дэвидсон
(Лондонский университет):

— В будущем году выходит ваша монументальная аннотированная библиография по Вяч. Иванову. Как характеризуете вы нынешнее состояние работ, посвященных петербургскому мэтру символизма?

— Мне кажется, что сейчас наступил очень интересный период. В конце 1994 года я закончила работу над библиографией всех статей, книг, монографий, в общем, всего, что выходило о Вяч. Иванове с самого начала 20-го века. Оказалось, что если прежде количество публикаций за каждый пятилетний период было примерно одинаковым — около 15—20 работ, то с начала 80-х годов (кстати, именно в 1981 году была проведена первая международная ивановская конференция в Нью-Хейвене) происходит совершенно удивительный рост — уже около 300 за каждое пятилетие! Это очень интересный феномен, касающийся как русской, так и западной критики. Нужно, конечно, всячески приветствовать такой рост интереса к русскому поэту, но можно, однако, пожалеть, что многие ученые работают, не зная работ других ученых — либо параллельных, либо тех, что давно выходили. Прискорбно, что есть разрыв между исследованиями русских и западных специалистов, хотя это положение и улучшается.

— В каком смысле разрыв?

— Русские ученые нередко не знают работ западных ученых, иногда не имеют к ним доступа или не читают; с другой стороны, западные ученые не всегда в курсе последних архивных публикаций в России. Это заметно по публика-

ям как русских, так и западных исследователей.

Некоторые области творчества поэта привлекают очень много внимания, даже может возникнуть впечатление, чрезмерного: «теория театра Вяч. Иванова» или «Иванов и Бахтин». В то же время в такой крайне важной области, как поэзия Вяч. Иванова — она сложная, и особенно нуждается в интерпретациях и комментариях, — до сих пор мало серьезных работ.

Большинство критиков предпочитают говорить и писать об эстетических взглядах, о философии или о биографии Вяч. Иванова, а не о его текстах. Хотелось бы, чтобы исследователи вернулись к непосредственному изучению текстов.

— Сергей Аверинцев как раз сегодня высказал ту же мысль...

— Мне кажется, что это характерно для современного литературоведения вообще: мы разобщены, живем в разных странах, не хватает общего кругозора.

В области изучения Вяч. Иванова недостает важных обобщающих исследований, даже справочного типа. Необходимо в первую очередь полная библиография сочинений самого поэта. Прорыв в библиографии работ о Вяч. Иванове я надеюсь заполнить своей работой. Почти не изучены связи Вяч. Иванова с английской и французской литературой.

На нашей конференции было высказано предложение создать «симфонию» к произведениям Вяч. Иванова и сопрово-

Вячеслав Иванов.

Рис. Н. Ульянова. 1920-е гг.

дить ее аналитическим комментарием к определенным ключевым терминам; это было бы очень важно и интересно.

Будапештская конференция мне очень понравилась. Это уже вторая конференция, на которой заметно участие ученых из Москвы и Петербурга. Мне даже показалось, что число их стало превышать число западных участников. Их научный вклад — особенно в плане исследования новых архивных материалов — все более ценен. Я бы сказала, что самой заметной тенденцией большинства докладов на этой конференции были философские и религиозные взгляды поэта. Мы слышали много интересных докладов, и мне жаль, что сейчас должны разъезжаться и что не можем встречаться чаще, чтобы действительно работать вместе над проектами, которые требуют совместного, коллективного подхода...

АНДРЕЙ ШИШКИН

Будапешт—Рим